

Лариса КАНЕВСКАЯ

ИГОРЬ КРАСНОПОЛЬСКИЙ: «Я ВСЕГДА НАЙДУ, ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ...»

— Игорь Янович, ваша деятельность на театральном поприще поражает широтой и разнообразием. Вы служили не только актером, но и театральным педагогом, были успешным менеджером, директором, режиссером... Что вообще привело Вас в театральный мир?

— Как обычно говорят, Его Величество Случай. В моей жизни все решал случай. Судьба. Папа был военным, они с мамой уехали работать в Магадан. Я окончил там школу и поступил в ВЗЮИ (Всесоюзный Заочный Юридический институт). Я понимал, что сразу в Университет не поступлю, и полагал, что потом поеду в Москву и поступлю в МГУ на юрфак через год. Какое-то время я работал на магаданском телевидении, поскольку мама работала на телевидении. Она была ассистентом режиссера в литературной редакции, в основном, склеивала материал, то есть была техническим работником. Потом поехал поступать в Москву, но по дороге заехал к бабушке. Бабушка моя жила в Куйбышеве и работала на авиационном заводе им. тов. Сталина. Во время войны отец был начальником цеха, и ему дали квартиру, после этого он ушел на фронт, откуда он уже был направлен на работу в Магадан. А бабушка там осталась. Кроме работы на заводе, бабушка играла в народном театре. Она была хорошей актрисой, играла даже Вассу Железнову. Бабушка дружила с Александром Ивановичем Демичем, был такой народ-

*Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный деятель искусств города Москвы,
заместитель художественного руководителя по творческим проектам Театра Луны
Игорь Янович Краснополяский*

юбилей

ный артист в Куйбышеве, в ту пору очень известный. Привела она меня к нему знакомиться, а его сын Юра (мы с ним одногодки), поступал в тот момент в Куйбышевское театральное училище. Александр Демичев был руководителем курса, а возглавлял училище народный артист Советского Союза Петр Львович Монастырский. И вот Демич вместе с бабушкой стали меня уговаривать: «Куда ты собрался? Такой высокий симпатичный парень, давай, поступай на актерское!» И я согласился попробовать, а что, росту я был 182 см, черненький такой, симпатичный. Выучил стихи, прихожу на экзамен, совсем не волновался, и меня с первого тура сразу на третий пригласили. Пришел, а там уже такая солидная комиссия сидит, и Монастырский вдруг говорит: «Простите, а вы не ошиблись училищем?» Его смутил мой отличный аттестат, вроде место несерьезное. Посмеялись мы с ним, и я прошел. Остался в Куйбышеве. После училища сразу стал много играть.

— У Вас счастливая актерская судьба: и поступили сразу, и много ролей в театре...

— Да, во многих спектаклях сыграл: «Дети Ванюшина», «Горе от ума» и в знаменитом «Гамлете», с которого моего друга Юру Демича Товстоногов к себе в театр забрал. А дело было так. У нас заканчивался сезон, мы традиционно играли премьеру перед закрытием, дальше на гастроли приезжал из Ленинграда БДТ. И вдруг к нам раньше своей труппы приезжает сам Георгий Товстоногов. Мы все в ужасе, для нас Георгий Александрович — все равно, что Станиславский. Пришел на этот спектакль. Мы с Юриком (он — Гамлет, я — Лаэрт) первый акт проигрываем с трепетом: Товстоногов же сидит в зале! В антракте Юрка говорит: «Давай, без защиты драться». И я, мастер спорта по фехтованию, соглашаюсь. У нас на

рапирах были такие шишечки, чтобы не пораниться. Если шишечкой в соперника ткнешь, просто будет синяк, если острием — натурально кровь может пойти. Мы откручиваем шишечки и деремся, как черти, чтобы Георгий Александрович оценил. Юрка меня уже пару раз задел, я его поцарапал, костюмы в крови, наши все в ужасе. Мы кланяемся в финале, счастливые, а нам говорят: «Да, Георгий Александрович посмотрел первый акт и ушел». Но дальше, в театр приходит посыльный с записочкой, в которой Товстоногов приглашает Юру в гостиницу для разговора. Я его провожаю до Волги, на берегу которой стоит гостиница. Через пять минут Юрка выходит совершенно белый, обалдевший: Георгий Александрович пригласил его в свой театр.

И началась его прекрасная служба в великом театре. Он стал любимым артистом Товстоногова, играл в «Тихом Доне», в «Трех мешках сорной пшеницы», получил звание заслуженного артиста...

— Игорь Янович, давайте вернемся к Вам. Ваша актерская карьера была вполне себе удачной, но Вы зачем-то уехали в Воронеж да еще поступили в институт искусств...

— После училища я отработал восемь лет в Куйбышевском драматическом театре. И действительно был востребован и вполне счастлив. Но моя жена к тому времени окончила наше училище, и главный режиссер мне посоветовал, чтобы она ненадолго куда-нибудь поехала поработать, а потом он ее возьмет. Тогда все было сложно, нельзя было родственников вместе брать, это сейчас, бери, кого хочешь, актерские династии даже приветствуются. И жена уехала в Воронеж, откуда была родом. В этот момент наш общий товарищ окончил курс у Андрея Александровича Гончарова и тоже приехал в Воронеж. Почти сразу же

*Супруги: Вера Михайловна
и Игорь Янович Краснопольские*

позвонил мне оттуда и сказал: «Чего ты сидишь там у этого старика? Собирай вещи и приезжай!» Я пришел к Монастырскому, и он, пожелав мне доброго пути, сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Знаешь, Игорек, любовь бывает одна, тем более, в творчестве...»

Воронеж недалеко от Украины, в театре все «гакали», а мы с женой говорили на чистом русском языке. Играли много, хотя там были свои сложности. Я такой активный был, везде успевал, еще и ставил спектакли, и в институте учился, и преподавал...

— Мало Вам было ролей и учебы, Вы еще и сами педагогом стали...

— Я очень любил театр, он стал моей жизнью с восемнадцати лет. Мне все было интересно...

— А какие педагогические качества Вы в себе обнаружили?

— Поскольку я сам уже достаточно к тому времени поработал актером, то знал все болевые точки этой профессии, был хорошим психологом, вдобавок, мне хотелось перепробовать в театральном мире все.

— У Вас были примеры, кумиры?

— Во-первых, все, кто были вокруг Станиславского. Николай Горчаков, Андрей Лобанов, мне были интересны в театре все направления. Питер Штайн, Питер Брук, театр Брехта...

— Ведь Интернета тогда не было, европейский театр был от Вас далеко, изучали чисто теоретически?

— Да, ходил в библиотеку, сутками сидел над книгами, жаждал своей профессии. Ею нужно заниматься двадцать четыре часа, на двести процентов, тогда можно чего-то достигнуть, кем-то стать. При этом конечно, собственные дети страдают. Внимания им не хватает. Сына своего я не отправил в театральное училище, хотя были все возможности поступить в любое...

— Затем Вы еще пошли учиться к Андрею Александровичу Гончарову и к Геннадию Григорьевичу Дадамяну...

— Всегда было интересно учиться. К Гончарову на режиссерский курс мы поступали в одной пятерке с Эймунтасом Някрошюсом. Брали всего десять человек. Я приехал из Воронежа, Эймунтас из Литвы. Разбирали пьесу «Мой бедный Марат». Помню, как Гончаров спрашивает Някрошюса, о чем его спектакль. Вот экспликация к спектаклю о чем? Тот говорит:

«Война, все разрушено...» «Это понятно», — говорит Гончаров. — Но вот тут — мальчик, девочка, треугольник, о чем спектакль?» Тот опять: «Война...голод, Ленинград, Марат...» Гончаров: «Треугольник, два мальчика, девочка, о чем спектакль-то?» За ним меня спрашивает, я ему говорю: «О любви». Гончаров: «Вот как Някрошюсу это объяснить? Какая любовь?»

Я все туры прошел, а на последнем Гончаров мне и говорит: «Ну, и зачем тебе режиссура? Ты же — хороший актер, иди, пока играй...» И я вернулся в Воронеж, еще лет шесть поиграл, потом думаю: «Нет, я все же тебя добью». Приехал в Москву и сразу поступил на высшие режиссерские курсы. Год учился на режиссерских, а еще год на менеджменте у Зайцева, так два года провел в Маяковке.

— Вы стояли у истоков Театра Наций?

— Тогда он назывался Театром Дружбы Народов, мы работали под руководством Михаила Чигиря. Это был уникальный театр, куда приезжали Питер Брук, Питер Штайн. В самое трудное для страны время, когда распался СССР, а вслед за ним СТД СССР, родился знаменитый Чеховский фестиваль, который до сих пор живет, благодаря Валерию Шадрину.

В этом театре я занимался фестивалями, гастролями, объездил весь мир. Михаил Чигирь шутил, что идеальный театр — это, когда нет актеров: директор есть, гастроли есть, а актеров нет. Все в театре работали по договору.

— Игорь Янович, Вы — такой креативный успешный менеджер. Там, где Вы, там — успех. Вот открылся в подвале Театр Луны — туда невозможно было попасть, организовали в том же подвале «Практику», и тот стал одним из самых модных театров, с театром Виктюка весь мир объездили...

— Мне нравится театр, в который все ломаются. Мы с Сергеем Прохановым — одной крови: оба — актеры, понимаем друг друга с полуслова. Мы понимаем все плюсы и минусы друг друга. У нас в Театре Луны было много прекрасных спектаклей. Есть, что вспомнить...

— **И все же Вы ушли от него к Виктюку. Почему?**

— Я ушел не к нему, а создавать Театр «Практика» с Эдуардом Бояковым. У Театра Луны после переезда

*Народный артист России
Вячеслав Иванович Полунин
и Игорь Янович Краснопольский*

на Ордынку осталось то знаменитое здание в подвале, с которого все начиналось, и Сергей Проханов от него отказался: «Нам бы здесь справиться — на Ордынке, поле деятельности колоссальное, две площадки, только успевай». А Эдик Бояков — он же из Воронежа, был у нас тогда (в Воронеже) завлитом, и мы с ним мечтали когда-то о своем театре. И потом, я очень устал от административной работы, хотелось творческой. С удовольствием поработал с Бояковым, но через год понял, что это — не совсем мой театр, не моя драматургия. Тут меня вызывает Сергей Худяков, тогдашний министр культуры, и говорит: «Чего это ты в подвале сидишь? Там вон великого режиссера лишают помещения, и только ты сможешь это как-то раскрутить, иди туда, там нужны твои усилия и умение!» Действительно, сложная была у Виктюка ситуация с «Бакинским двориком», театр практически закрывали. Там были письма Лужкову и пр. Директора у театра не было. Но Роман Григорьевич — уникальный человек, надо было для него постараться. Я пришел к Виктюку поговорить. У него было в театре единоначалие, что меня совсем не устраивало. Только двуначалие: я — директор, вы — режиссер. Вот сейчас придумали в театре должность художественного руководителя, и можно не ставить спектакли. А зачем он нужен? В любом театре нужны директор и главный режиссер — двуначалие.

Мы с Романом Григорьевичем встретились в кафе на Тверской и проговорили пять часов. Практически — Станиславский и Немирович-Данченко.

— **Вы были членом замечательного Клуба Директоров, расскажите о нем...**

— Это был потрясающий клуб. Я общался с такими ассами, рядом с которыми мы (я, Володя Тартаковский — были мальчишками, пацанами). Илья Аронович Коган (Театр на Бронной), Анатолий Андреевич

Игорь Краснополяский и режиссер Андрей Житинкин

юбилей

Колеватов (Малый театр), Чигирь (Театр Дружбы Народов) — мы были людьми одного круга. Профессиональный клуб высшей лиги. Сейчас он не существует. Сегодня — время дилетантов.

— *Из чего состоит ваш день?*

— Из театра и семьи. Так получилось, что я женился второй раз, и моему ребенку сейчас четыре года. Так что стараюсь соответствовать, чтобы моему сыну было со мной интересно. Я ведь все это уже проходил. Меня в Воронежском театре звали «кенгуру». Жена родила и уже через две недели выходила на сцену, а я стоял за кулисами и держал нашего пацана. Жена отыграет, выбежит, грудь ему сунет, и снова на сцену. А ребенок у меня на руках. Моя жена была великой русской актрисой в Воронеже, на нашем доме, где мы жили, есть мемориальная доска. Она там играла весь репертуар, зрители носили ее на руках. Поэтому я не забрал ее в Москву. Мы прожили с ней в Воронеже двадцать лет, а вообще, всего — 42. Когда она умерла, я полгода пил, никуда не выходил, в этот момент все совпало — и с Виктюком. Я уволился, и Сергей Проханов меня тогда выдернул, я снова вернулся в Театр Луны, за что я ему благодарен как другу. Департамент культуры города Москвы в лице начальника управления по работе с творческими организациями Натальи Викторовны Дрожниковой тоже меня поддержал и выделил для меня персональную ставку.

— *Ваша должность — заместитель художественного руководителя Театра Луны, а ведь когда-то Вы были директором...*

— Проханов, когда я вернулся пять лет назад, предложил мне эту должность, но я этот путь уже прошел, и мне это неинтересно. У нас в театре есть художественный руководитель и директор, который занимается финансами. Я, может, мечтаю снова стать

просто актером. Вернуться к истокам. У меня есть диплом «актер театра и кино» и диплом режиссера музыкально-драматического театра.

А еще я занимаюсь общественной работой. Евгений Герасимов создал при Комиссии по культуре и массовым коммуникациям Московской Думы «Цех столичных деятелей культуры», куда я вхожу. Вот недавно обсуждали тему патриотизма. Сегодня разрушена система районных клубов. Помню, как мы все с улицы приходили заниматься в клубы, в разные секции, и потом становились актерами, музыкантами, спортсменами и т.п. Так вот, мы хотим это возродить. Не дворцы культуры, а районные клубы, чтобы в каждом дворе что-то происходило, чтобы ребятам было, где развиваться.

— А вы думаете, вам удастся нынешних детей заманить, оторвать от компьютеров?

— Удастся. Вот у нас при Театре Луны есть детская студия с залом на семьдесят мест и кафе, и мы его обязательно раскрутим. Я всегда найду, чем заняться. Проблем полно, только их надо видеть и стараться решать. Дилетантов очень много, какие-то кооперативы, а надо, чтобы проблемы решали профессионалы. И кадры надо готовить. Есть, куда творческие силы направлять. В театре я как раз занимаюсь творческими проектами и связями с общественностью. Вот хочу поставить спектакль «Белоснежка и семь гномов», чтобы каждого гнома играл представитель какого-нибудь посольства. Я дружу с болгарским, греческим, индийским посольствами. Они боятся своих детей на улицу выпускать, пускай в театр ведут, тут интересно и безопасно.

— Игорь Янович, а где Вы отдыхаете?

— На даче, хотя я совсем не дачник, жена приучила.

— Сажают что-то?

— Нет, я исполняю тупую работу: копаю, мою посуду, рублю дрова, курам головы...

юбилей

— **Не может быть! Правда?**

— Абсолютно. Никто не мог, и я это делал: я просто придумывал в тот момент себе, как артист, что я сейчас, например, Макбет и т.п. Теща выращивала курочек специально для внука, а ребенок потом их есть не мог. С криками: «Это тот самый петушок, который бегал?!» — выбрасывал мясо из тарелки.

— **Что Вас огорчает? Что Вы не можете простить?**

— Предательство. А что огорчает... Я людей помню, а дни рождения забываю. Вот, Анатолий Полянкин, директор театра «Сатирикон», всегда меня 3 июня поздравляет, звонит, где бы я ни был. А я ему говорю: «Толя, ты меня извини, я-то забыл тебя поздравить!» Он отвечает: «Да мне плевать, главное, я тебя сейчас поздравляю...» И таких хороших друзей у меня очень много. Самые близкие мне просто сами в свой день рождения звонят. А я в ответ: «Да, я — гадость, признаю и поздравляю...»

— **Что для Вас самое важное сегодня?**

— Я постоянно думаю про своего малыша, ведь ему только четыре года, а мне семьдесят, и понимаю, что у него может быть другой папа, ведь сто лет я не проживу, но сколько даст Бог, столько даст.

— **Откуда черпаете энергию для своих многочисленных театральных и житейских ежедневных подвигов?**

— Не знаю, я с детства такой активный, в отца пошел. Вообще, я по натуре — чистый «близнец», воздух, энергии за двоих...

— **Что Вы сами себе хотели бы пожелать?**

— Как можно дольше не расстраивать своего малыша, старшего сына и внуков.

Фото из личного архива
И. Я. Краснопольского

